

Артемий Мар

**Атомная бомба
в кармане**

Артемий Мар

Атомная бомба в кармане

«Автор»

2026

Мар А.

Атомная бомба в кармане / А. Мар — «Автор», 2026

Один физический закон: электромагнитный импульс. В руках одного инженера он останавливает танк без единой смерти. В руках другого — гасит свет в больницах и превращает мегаполисы в каменный век. Андрей Малешко, инженер из закрытого города Снежинск, двадцать лет пытается убедить генералов: война будущего — не в порохе, а в электронике. Его не слышат. Его расчеты считают игрушками. А потом их крадут. Технология уходит в мир. Иранские дроны с ЭМИ-генераторами атакуют авианосцы и подстанции. Америка теряет управление ядерным арсеналом. Израиль погружается во тьму. А Россия смотрит со стороны и укрепляет свою защиту. Это не история предательства. Не шпионский триллер. Это роман о том, что законы природы невиновны. Виновны только люди. И о том, что самый страшный выстрел — тот, который не слышен. Роман-предупреждение, основанный на реальных патентах, научных разработках и событиях 2025–2026 годов.

© Мар А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Атомная бомба в кармане	5
Пролог: Париж, октябрь 2024	6
Глава 1: 2006 год. Снежинск — Москва	9
Глава 2: 2007–2010. Тень над Снежинском	16
Глава 3: 2011–2014. Проект «Алабуга» и мировой контекст	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Артемий Мар

Атомная бомба в кармане

Атомная бомба в кармане

Роман

Пролог: Париж, октябрь 2024

Париж встретил его промозглым октябрьским утром. Мелкий дождь барабанил по карнизу, стекал по стеклу мансардного окна, за которым серая стена соседнего дома казалась бесконечной.

Сергей Петров — имя в паспорте было другим, но он уже привык к этому — сидел за столом и смотрел на экран ноутбука. Пять лет он ждал, пока истечет запрет на выезд — срок допуска к «совершенно секретно» давал о себе знать. Потом были Германия, Франция, скитания по контрактам. И вот сейчас, когда почти всё готово, когда покупатель найден и готов его офшорный счет, он чувствовал только пустоту.

На флешке, спрятанной под подоконником, были расчеты, которые стоили миллионы евро. Спиральные взрывомагнитные генераторы. Ферромагнитные запалы. Толщина изоляции, выверенная до долей миллиметра. Всё, чтобы превратить лабораторный курьез в компактное устройство, способное одним импульсом выжечь электронику на полкилометра вокруг.

Он не считал себя предателем. Российские разработки всё равно заморозили еще в 2014-м. Генералы сказали: «Есть атомная бомба — и хватит». А он просто продал то, что всё равно никому не нужно. Или почти никому. Для России это уже история. Для Ирана, который только начинал свой путь в «тихой войне», — инструкция к действию.

Сергей посмотрел в окно. Двадцать лет назад, когда он только пришел в институт, Малешко взял его стажером. Учил, объяснял, верил в него. А потом грянула «Алабуга», проект 2014-м закрыли, надежды рухнули. Малешко остался в науке, а Петрова сократили — того самого расчетчика, без которого генератор мог бы так и остаться грудой металла, — сократили. Обада жгла его годами. И он пошел искать счастья на стороне.

— Ты просто обиженный мальчик, — сказал он своему отражению в стекле. — Обиженный, злой и очень глупый.

Он вспомнил, как Малешко в 2014-м, когда закрыли «Алабугу», сказал: «Жди. Твое время придет».

— Пришло, — прошептал Сергей. — Только не так, как ты думал.

Его взгляд вернулся к ноутбуку. На экране — письмо, которое он писал и переписывал уже десять раз. Адресат — Малешко. Содержание — правда. Всё. Куда он едет, кому продает, сколько получит.

«Ты имеешь право знать», — написал он в первом варианте.

«Прости», — во втором.

«Я не предатель», — в третьем.

Он так и не отправил ни одного.

Потому что, если бы он отправил — Малешко бы позвонил. Позвонил бы туда, куда надо. И всё закончилось бы, не начавшись.

А Сергей не хотел, чтобы всё заканчивалось. Он хотел наконец-то начать.

Он знал, что его могут искать. Знал, что рано или поздно найдут. Но флешку спрятал в номере. Надежно. В тайнике, о котором знал только он.

Если сегодня все пройдет хорошо, он вернется и заберет. Если нет... если нет, то хоть какая-то надежда, что эти расчеты вообще никому не достанутся...

Он усмехнулся своим мыслям. Альтруистом он никогда не был. Три миллиона евро — вот его альтруизм. А флешка — просто страховка. Если сделка сорвется, может, удастся продать кому-то еще. Японцам, китайцам, да хоть черту лысому. Лишь бы заплатили.

Телефон завибрировал. Незнакомый номер.

— Месье Петров? — голос был мягким, с едва уловимым акцентом. — Ваш товар готов к отправке?

— Готов, — ответил Сергей, стараясь, чтобы голос звучал спокойно. — Встреча в «Кафе де ля Пэ», как договаривались. Сегодня в шесть.

— Отлично.

Сергей положил трубку и улыбнулся. «Кафе де ля Пэ». Он специально выбрал это место. Легендарное кафе на площади Оперы, открытое еще в 1862 году. Здесь бывали Чайковский, Золя, Мопассан, Хемингуэй. Здесь пили кофе короли и шпионы, актрисы и миллиардеры.

Сергей представил, как через пятьдесят лет кто-нибудь напишет мемуары: «В тот вечер в «Кафе де ля Пэ» я встретил человека, который перевернул мир». Или, может быть, не напишет. Может, всё останется тайной. Но он-то будет знать. Он войдет в историю — пусть даже без имени.

Он закрыл ноутбук и подошел к окну. Внизу, на узкой парижской улочке, стоял черный «Рено» с тонированными стеклами. Сергей напрягся, но тут же успокоил себя: мало ли кто припарковался. Париж, центр, вечно машины ищут место.

В шесть вечера он вошел в кафе. Народу было много — туристы, местные, обычная парижская суета. Человек за столиком у окна поднял руку. Средних лет, неприметный, в сером плаще.

— Месье Петров? Присаживайтесь. Кофе?

Сергей сел, поставил ноутбук на стол. Человек даже не взглянул на него.

— Вы знаете, месье Петров, — сказал он, помешивая кофе, — это кафе имеет богатую историю. В декабре 1942 года здесь взяли советского разведчика. Лео Гроссфогеля. Гестапо тогда очень гордилось операцией. Верили, что перекрыли канал утечки секретов.

Он поднял глаза на Сергея:

— Только вот Гроссфогель успел передать материалы до ареста. А те, кто пришел за ним, получили лишь пустой портфель и злость. История любит повторяться, не находите?

Сергей похолодел. Человек в сером кивнул куда-то в сторону. Из-за соседнего столика поднялись двое. Короткие стрижки, внимательные глаза. Один показал удостоверение — французское, контрразведка DGSI.

— Вы задержаны, месье Петров, — сказал человек в сером. — За шпионаж. Ваши покупатели, кстати, уже задержаны и дают показания. Обыск в вашем номере уже начат. Если повезет, мы найдем то, что вы хотели продать. Если нет — будем судить за попытку. А попытка тоже наказуема. Вы понимаете, что мы умеем убеждать. Лучше с нами сотрудничать.

Сергей смотрел на недопитый кофе, на резные пилястры в стиле Второй империи, на люстру под потолком, под которой пили кофе великие. «Я тоже войду в историю. Только не так, как мечтал».

Его подняли, повели к выходу. И вдруг, уже у дверей, его осенило.

Слишком легко. Слишком гладко. Покупатели задержаны до встречи. Обыск в номере начат одновременно с арестом. Они знали всё. Не подозревали — знали.

Он резко обернулся к человеку в сером:

— Вы знали. Вы всё знали с самого начала. Это была подстава.

Человек в сером — французский контрразведчик, как понял Сергей, — пожал плечами:

— Мы получили информацию. От ваших же. Кто-то очень хотел, чтобы эта встреча состоялась. И чтобы мы были здесь.

Сергей похолодел. «От ваших же». Значит, кто-то в Москве знал. Кто-то знал о его планах, знал о встрече, знал о флешке. И не остановил. Позволил.

— Зачем? — прошептал он.

Француз усмехнулся:

— Это вы у своих спросите. Когда вернетесь. Если вернетесь.

Сергея вывели на улицу. Парижское утро было серым и холодным. У входа стоял черный «Рено» — тот самый, который он заметил утром из окна. Значит, следили с самого начала.

Его затолкали на заднее сиденье. Машина тронулась.

Сергей сидел, глядя в затонированное стекло, и пытался понять.

Кто-то знал. Кто-то позволил ему уйти, позволил добраться до Парижа, позволил встретиться с покупателями. Позволил, чтобы его взяли с поличным.

Зачем?

А потом он вспомнил слова Малешко, сказанные много лет назад: «Если когда-нибудь ты решишь — уезжай. Но не предавай».

— Я не предавал, — прошептал Сергей. — Я просто хотел, чтобы моя работа чего-то стоила.

Машина выехала на набережную Сены. Вода была серой, как небо.

«Может, это и есть цена, — подумал Сергей. — Двадцать лет работы, три миллиона, которые я никогда не получу, и флешка в тайнике, которая теперь достанется французам. Или не достанется. Если повезет».

Его вдруг накрыла холодная, липкая волна страха, в которой тонула обида. «Я не предатель, — успел подумать он. — Я просто... пешка. Которую передвинули».

Он закрыл глаза. Перед ними снова было озеро Синара. Спокойное, черное, бесконечное. И Малешко на берегу. Который, возможно, так и не узнает, что его ученик не просто предал. Что его ученик стал пешкой в чужой игре.

В Москве, где-то в кабинете на Лубянке, полковник ФСБ положил трубку и задумался. Петрова взяли, но в деле было что-то странное, — слишком легко. Как будто знали, что их сдадут. Как будто...

Он набрал внутренний номер:

— Свяжись с нашими в Тегеране. Узнай, не всплывет ли где-нибудь копия этих расчетов. Если Петров успел передать — мы должны знать.

— Думаете, успел?

— Думаю, что если успел, то это может быть интересно. Очень интересно.

Глава 1: 2006 год. Снежинск — Москва

За окнами кабинета кружил первый снег. Крупные хлопья бесшумно падали на темную воду озера Синара, на сосны, на крыши домов закрытого города, который на картах не значился.

Андрей Викторович Малешко — двадцать восемь лет, а голова уже седая, жена шутит, что от мыслей — сидел над разложенными чертежами и не замечал ни снега, ни озера, ни времени. 2006 год тянулся медленно, как смола.

На столе лежала копия статьи 1958 года, пожелтевшая, с пометками карандашом. Академик Андрей Сахаров — тогда еще не диссидент, не лауреат Нобелевской премии мира, а просто гениальный физик — впервые предложил идею, от которой у Малешко до сих пор перехватывало дыхание.

«Сжатие магнитного поля соленоида обычным взрывчатым веществом».

Сахаров придумал гениально простую вещь: если взрывом сжимать магнитное поле, можно получить мощнейший электромагнитный импульс. Как если сжать мокрую губку — вода брызнет во все стороны. Только вместо воды — энергия. Смертельная для электроники энергия.

Малешко откинулся на спинку стула и закрыл глаза. Он представлял, как это работает. Взрывчатка, медная спираль, магнитное поле, которое сжимается в сотни раз за микросекунды. Токи в сотни тысяч ампер. Мощность в десятки гигаватт — как у двадцати атомных электростанций, только выделяется она за мгновение.

А потом он представлял другое. Линия электропередачи уходит за горизонт, провода гудят на высоковольтных опорах. Рядом, в кустах, — устройство размером с небольшой чемодан. Взрыв. И в проводах возникает ток, которого они не рассчитаны держать.

Малешко схватил карандаш, начал писать на полях статьи.

Сопротивление провода — 0.05 Ом/км. Длина до подстанции — 50 км. Ток 12 000 ампер. Мощность, выделяемая на трансформаторе...

Он считал быстро, забыв дышать. Цифры росли, и вместе с ними росло что-то внутри — холодное, тревожное, похожее на страх пополам с восторгом.

Трансформатор войдет в насыщение за миллисекунды. Обмотки начнут плавиться. Изоляция пробиваться. Восстановление — годы.

Он откинулся на спинку стула и посмотрел на озеро. Синара была спокойна, как всегда. Там, на том берегу, люди жили обычной жизнью — варили ужин, смотрели телевизор, не подозревая, что свет может погаснуть во всей стране. И никто не поймет, почему.

— Господи, — прошептал Малешко. — Я нашел способ, как выключать войну. Или... начинать новую? Сам не пойму, пока не сделаю.

Он посмотрел на исписанный лист. Цифры не ввали. Это работало.

Трансформаторы на подстанциях за сотни километров плавятся за секунды. Города погружаются во тьму. На годы. Потому что новых трансформаторов нет в запасе — каждый делают под заказ, полтора-два года.

И никто не поймет, кто ударил. Нет ракеты, нет вспышки, нет радиации. Просто хлопнуло у столба.

— Фантастика, — прошептал Малешко.

— Фантастика, но работающая, — раздалось от двери.

В кабинет вошел пожилой мужчина в мятом пиджаке — научный руководитель Малешко, профессор Виктор Иванович Градов. Из тех, кто помнил еще город Саров пятидесятих, кто работал с самим Забахиным.

— О чем задумался, Андрей? — усмехнулся Градов, сел напротив, достал папиросу. Курить в кабинете запрещалось, но кто ему запретит.

— Да вот, читаю Сахарова. И прикидываю насчет ЛЭП. Если ударить по линии, можно обесточить полстраны. Тихо, чисто, без ядерного апокалипсиса.

— ЛЭП — это да. Только до ЛЭП еще добраться надо. А пока собирайся. Через три часа летим в Москву. Там комиссия, будут слушать молодых. Самолет уже заказан.

— В Москву? — Малешко даже растерялся. — Это ж... серьезно?

— Серьезнее некуда. Генералы из Генштаба, министерство обороны, может, кто из администрации. Так что готовь доклад. И помни: они люди старые, у них категории старые. Танки, ракеты, ядерный щит. А ты им про будущее. Сумеешь убедить — молодец. Нет — еще двадцать лет будешь ждать.

Градов затаился, помолчал, глядя в окно. Потом коротко бросил:

— «Ранец-Е». Малайзия, 2001-й.

Малешко поморщился:

— Знаю. Компактный генератор СВЧ-излучения на взрывомагнитном принципе. СВЧ-излучения. Весит четыре килограмма, глушит электронику в радиусе пятисот метров. В две тысячи первом на авиасалоне ЛИМА показали — иностранцы рты открыли. Говорили: «Русские опередили время на десять лет». И что?

Градов усмехнулся:

— А то, что после выставки «Ранец» положили на полку. Сказали: «Сырой, дорогой, непонятно, как применять». Через три года американцы показали свой аналог. А теперь, говорят, у каждого спецназовца ЦРУ в рюкзаке такая штука. Мы тогда опережали всех лет на десять. И сами же всё похерили. Иностранцы поглазели, свои похлопали — и в архив. А теперь американцы с китайцами догоняют.

Малешко молчал. Он знал эту историю. Знал, что Градов не случайно о ней заговорил.

— Ты к чему ведёшь, Виктор Иванович?

— К тому, Андрей, что история любит повторяться. Мы сейчас на пороге того же самого. Твои генераторы — это новый «Ранец». Если не продадим сейчас, через пять лет будем покупать их у китайцев.

— Мы тогда не они.

— Думаешь, история любит учить?

— Уверен, история любит, когда наступают на одни и те же грабли.

— Умный, — усмехнулся Градов. — Ладно, поехали в Москву. Там проверим, насколько ты умный.

В самолете Малешко смотрел на облака и репетировал речь. Урал остался позади, впереди была Москва — огромная, равнодушная, где решаются судьбы.

В Шереметьево их встретила черная иномарка с мигалками. Кортёж помчался по Ленинградскому шоссе, мимо высоток, мимо пробок, мимо обычной жизни, которая текла где-то там, снаружи, не подозревая о том, что через двадцать лет все может измениться.

Заседание проходило в старом здании на Арбате. В кабинете пахло табаком и кожей — так пахнет власть, которая не сомневается в своем праве. Дубовые панели, длинный стол, зеленое сукно, портреты на стенах. Генералы — седые, грузные, с тяжелыми взглядами. Человек десять, не меньше. В углу — пара штатских, невзрачных, но с цепкими глазами. Малешко почувствовал, как под пиджаком выступает пот.

— Садитесь, молодой человек, — кивнул председательствующий, генерал-полковник с усталым лицом. — Время у нас есть, рассказывайте. Только, по существу, и без воды.

Малешко почувствовал себя школьником, которого вызвали к доске, — только доска здесь размером с жизнь, а оценки ставят не учителя, а люди, от которых зависит, полетит его идея в мусорку или в будущее.

Он разложил схемы, включил проектор. Голос слегка дрожал, но постепенно выровнялся.

— Товарищи генералы, позвольте начать с самого простого вопроса. Что произойдет с вашим мобильным телефоном, если поднести его к работающей микроволновке и открыть дверцу?

Кто-то усмехнулся.

— Ничего хорошего, — ответил молодой полковник с края стола. — Телефон сдохнет.

— Именно. Электромагнитное излучение выведет его из строя. А теперь представьте, что мощность такого излучения — не несколько ватт, как в микроволновке, а десятки гигаватт. И действует оно не на один телефон, а на всё, что имеет электронику, в радиусе сотен метров.

Малешко перещёлкнул слайд.

— Это спиральный взрывоманитный генератор. Принцип предложен академиком Сахаровым еще в 1950-х. Внутри — медная спираль и трубчатый заряд взрывчатки. Когда взрывчатка срабатывает, она сжимает магнитное поле, созданное начальным током. Представьте, что вы сжимаете мокрую губку — вода брызжет во все стороны. Здесь то же самое, только вместо воды — электромагнитная энергия.

— Цифры, — коротко бросил генерал-полковник.

— При массе взрывчатки в пятисот грамм мы получаем ток до 400 тысяч ампер. Энергия — около килоджоуля. Но главное — длительность импульса: 50 наносекунд. Это дает пиковую мощность до 20 гигаватт.

— 20 гигаватт — это мощность 20 атомных электростанций, — подал голос кто-то из штатских.

— Именно. И вся эта мощность — за 50 миллиардных долей секунды. И не в тепло, а в электромагнитную волну.

Малешко перещёлкнул на следующий слайд — карта с секторами поражения.

— Теперь о применении. Первый сценарий — тактический. Снаряд калибра 152 миллиметра, оснащенный таким генератором, взрывается на высоте 200-300 метров над колонной вражеской техники. Радиус поражения незащищенной электроники — до 200 метров. Что это значит?

Он обвел взглядом зал.

— Танк современной армии — это не просто броня и пушка. Это десятки компьютеров, системы наведения, связь, навигация, управление огнем. Все это умирает за микросекунды. Танк превращается в бесполезную грудку металла. Экипаж жив — но воевать не может. БМП, грузовики, системы ПВО малой дальности — то же самое.

— А люди? — спросил кто-то.

— Люди чувствуют удар, возможны судороги, потеря сознания в ближней зоне. Но смертельные случаи крайне редки. Оружие направлено против электроники, не против людей.

Малешко перевел дух и продолжил:

— Второй сценарий — стратегический. И здесь самое интересное. Линии электропередач.

Он вывел на экран фотографию высоковольтной ЛЭП.

— Любой длинный проводник работает как антенна. Если взорвать компактный генератор рядом с ЛЭП, импульс наведет в проводах ток до 12 тысяч ампер. Это в сотни раз больше обычного рабочего тока. Волна побежит по проводам со скоростью света в обе стороны.

Малешко увеличил карту.

— Через секунду она достигнет подстанций за десятки километров. Трансформаторы, рассчитанные на строгий режим работы, войдут в насыщение. Их обмотки начнут плавиться, изоляция пробиваться. Трансформаторы выйдут из строя за миллисекунды.

В зале стало тихо.

— А теперь главное, — Малешко сделал паузу. — Таких трансформаторов нет в запасе. Каждый делается под заказ под конкретную подстанцию. Вес — сотни тонн. Производственный цикл — полтора-два года. Восстановление энергоснабжения целого региона займет годы.

Генерал-полковник подался вперед:

— Вы хотите сказать, что одним небольшим устройством можно обесточить целый регион на годы?

— Да. И без ядерного взрыва. Без радиации. Без разрушения городов. Просто взрыв у столба.

— А кто это сделал? — быстро спросил штатский с цепкими глазами.

— Вот это самое интересное. Ядерный взрыв виден со спутников. Ракету засекают системы предупреждения. А здесь — просто хлопок у ЛЭП. Может, теракт. Может, диверсия. Может, авария. Доказать, что это акт агрессии со стороны конкретного государства — почти невозможно. Противник сидит в темноте и не знает, кому объявлять войну.

— А если мы ударим так по противнику? — спросил генерал с густыми бровями.

— Если ударим мы, нас не вычислят, если все сделать чисто. Но...

Малешко помедлил.

— Но есть риск, что противник решит, что это ядерный удар, и ответит ядерным оружием просто на всякий случай. Поэтому применение должно быть очень аккуратным. Или — очень массированным, чтобы противнику было не до ответа.

Генерал с густыми, нависшими бровями нахмурился:

— Атомная бомба, молодой человек, дает гарантированный результат. Один взрыв над Канзасом — и вся Америка без света. Зачем нам ваши сложности с ЛЭП?

Малешко был готов к этому вопросу.

— Если позволите, товарищ генерал. Высотный ядерный взрыв на 400 километрах действительно создает ЭМИ, который накрывает полконтинента. Это правда. Но это — акт ядерной войны. Это конец. Противник, если у него останутся хоть какие-то средства, ответит тем же. И мы получим ядерный апокалипсис.

Он перевел дух.

— А теперь представьте другое. Мы не хотим уничтожить Америку. Мы хотим остановить ее армию, не начиная ядерной войны. Мы хотим, чтобы их солдаты остались живы, их города — целы, их заводы — работали. Но чтобы воевать они не могли. Чтобы их танки встали, самолеты не взлетели, связь замолчала. И чтобы они не поняли, кто это сделал.

Малешко повысил голос — в первый раз за весь доклад:

— Мы получаем готовую инфраструктуру противника. Не выжженную землю, а заводы, которые завтра будут работать на нас. Не миллионы беженцев, а население, которое просто хочет жить. И никакого ядерного ответа, потому что непонятно, кому отвечать.

В зале повисла тишина. Генералы переглядывались.

— А сколько это будет стоить? — спросил наконец генерал-полковник.

— Разработка, испытания, доводка — миллиарды. Но серийное производство такого снаряда будет стоить примерно, как три обычных артиллерийских. А эффект... эффект не сравним.

— Миллиарды, — задумчиво повторил кто-то. — А у нас бюджет...

— Я знаю про бюджет, — перебил Малешко — и сам испугался своей смелости. — Но позвольте спросить: сколько стоят новые танки, которые через двадцать лет станут бесполезными? Сколько стоят ракеты, которые не смогут взлететь, потому что электроника сгорит? Мы сейчас закладываем бюджет под прошлую войну. А будущее делают те, кто успеет первым.

Он обвел взглядом зал.

— Если мы сейчас не начнем, через десять лет наши армии будут слепы и глухи перед тем, у кого это оружие есть.

Генерал с бровями встал, прошелся вдоль стола.

— Программа вооружений, молодой человек. Там всё расписано. Танки, ракеты, подлодки. Заказано. Оплачено. — Он остановился напротив Малешко. — А вы хотите эти миллиарды вычеркнуть? На что? На игрушку, которая не стреляет?

— Вы понимаете, что эти миллиарды надо откуда-то взять? Сократить производство танков? Уменьшить закупки ракет? Кто на это пойдет? Кто возьмет ответственность?

Малешко сглотнул:

— Я понимаю, товарищ генерал. Но если мы не сделаем это сейчас, через десять лет наши танки и ракеты будут просто мишенями.

— Через десять лет, — усмехнулся генерал. — Через десять лет мы все на пенсии будем. А вы, молодой человек, идите работайте. Может, через десять лет вас вспомнят.

Он махнул рукой и направился к выходу, но задержался у двери. Обернулся.

— Молодой человек, — сказал он уже не так резко. — Мы, по-вашему, идиоты? Не понимаем, что мир меняется?

Малешко растерянно молчал.

— Понимаем. Еще как понимаем. — Я отвечаю за страну. А вы за свой чертеж. Когда ваша железка будет работать так же надежно, как атомная бомба — приходите. А пока... — он махнул рукой, — идите работайте.

Он вышел. Малешко смотрел ему вслед и вдруг понял: генерал не враг. Он просто другой.

За ним потянулись остальные.

Через пять минут в комнате остались только Малешко, Градов и двое штатских, которые не двигались с места.

— Интересно вы говорили, Андрей Викторович, — сказал один из них, тот, что задавал вопрос про "кто это сделал". — Очень интересно. Мы бы хотели продолжить разговор. В более узком кругу.

Градов насторожился:

— А вы, собственно, кто будете?

Штатский улыбнулся, показал удостоверение. Мелькнули слова "Федеральная служба безопасности".

— Мы по другим вопросам. Не по бюджету. По безопасности.

Малешко почувствовал, как по спине пробежал холодок.

— Андрей Викторович, ваши разработки могут заинтересовать людей, которым не нужны танки. Людей, у которых взгляд на будущее немного иной. Мы приглашаем вас на беседу. Не сегодня, возможно, завтра. В спокойной обстановке.

— Подумайте. Это не предложение, от которого можно отказаться. Но и не приказ. Просто разговор.

Штатские вышли.

Малешко молча собирал схемы. Руки дрожали — теперь уже не от обиды, а от волнения. — Но ведь это правильно, — прошептал он. — Не убивать, а обезоруживать. Разве не в этом смысл?

Малешко посмотрел на Градова. Профессор покачал головой:

— Я же говорил, — тихо сказал профессор. — Они не понимают. Для них война — это танки, пушки, ядерные удары. А ты им про будущее. Будущее, Андрей, делают не генералы. Будущее делают энтузиасты, которым не дают бюджет.

— Ты хотел, чтобы тебя услышали. Услышали. Вопрос только — кто именно.

Вечером Малешко сидел в гостинице «Украина» на Кутузовском проспекте и смотрел на огни Москвы. Огромная сталинская высотка, одна из «семи сестер», возвышалась над городом, как памятник ушедшей эпохе. Где-то там, в этих огнях, жили люди, которые не знали, что через двадцать лет их жизнь может зависеть от того, кто первым научится гасить свет.

Он открыл дневник и написал:

«Сегодня я понял одну вещь. Генералы всегда готовятся к прошлой войне. Они покупают танки, потому что танки были нужны вчера. Они строят ракеты, потому что ракеты спасли мир в холодную войну. А то, что завтра война будет другой — войны без пороха, без огня, без дыма, где побеждает тот, кто умеет выключать электронику, — до них не доходит.

Но я прав. Я знаю это. Через десять, через двадцать лет, когда армии цифровизируются до предела, когда дроны станут главным оружием, а связь — главной мишенью, тогда они вспомнят. И будет поздно. Потому что тот, кто придет к финишу первым, продиктует правила.

Я хочу, чтобы мы были первыми. Не чтобы убивать. Чтобы останавливать войну, не начиная ядерного апокалипсиса.

Может, я наивный. Но мне кажется, это важно».

Он закрыл тетрадь. За окном горели огни вечерней Москвы.

В коридоре слышались шаги. Малешко вдруг почувствовал, что за ним кто-то наблюдает.

На следующее утро в парижском отеле Hôtel Edouard 7 Paris Opéra, расположенном в двух шагах от площади Оперы, уборщица меняла белье в номере, где накануне арестовали Сергея Петрова.

Женщина средних лет, устроившаяся сюда тремя неделями ранее по заданию иранской разведки, действовала быстро и профессионально. Она проверила всевозможные тайники — в вентиляционной решетке, за плинтусом, под подоконником. Флешка лежала там, где ее оставил Петров.

Через три дня флешка была в Тегеране.

В подземной лаборатории под городом Кум пятеро инженеров склонились над экраном.

Профессор Резаи, седой мужчина с глазами, которые видели слишком много, открыл файлы на защищенном терминале. Рядом стояли четверо — лучшие выпускники Тегеранского университета, прошедшие стажировку в Китае и Северной Корее.

— Смотрите, — сказал Резаи, выводя на экран первую схему. — Это спиральный взрывомагнитный генератор. Русские считали его еще в 2006-м. Тогда они опережали всех лет на десять-пятнадцать.

— А почему не сделали?

— Генералы сказали: «Есть атомная бомба». Им не нужна была тихая война. Им нужна была громкая победа.

Резаи усмехнулся.

— Глупцы. Атомная бомба это оружие прошлого, она нам не нужна. А это... это можно положить чемодан, привезти куда угодно и взорвать без единой вспышки. Противник даже не поймет, что случилось.

Он перелистнул страницу.

— Посмотрите на расчеты изоляции. 0.5-0.6 миллиметра. Если сделать тоньше — пробыет. Если толще — упадет мощность. Русский инженер посчитал идеально. Нам осталось только повторить.

Молодой инженер, тот, что стоял ближе всех, поднял руку:

— А если мы добавим китайские накопители? Те, что от Betavolt?

Резаи улыбнулся — впервые за долгое время.

— Тогда мы сделаем это лучше, чем русские. У них война сегодняшняя. А мы будем готовиться к войне завтрашней. Компактно, мощно, незаметно, — атомную бомбу в кармане.

Он встал, прошелся по лаборатории.

— Через полгода у нас будут первые прототипы. Через год — серия. А через два — мы покажем миру, что значит настоящая тишина.

Глава 2: 2007–2010. Тень над Снежинском

После того памятного заседания в Москве жизнь Малешко изменилась незаметно, но необратимо.

Малешко вернулся в Снежинск с ощущением, что его жизнь разделилась на «до» и «после». Раньше он был просто ученым. Теперь стал фигурой в чужой игре. И выйти из этой игры нельзя.

Первое время он ждал звонка. Но неделя сменялась неделей, телефон молчал, и Андрей почти убедил себя, что всё это — игра воображения. Ну заинтересовались, ну поговорили — и забыли. Таких, как он, в оборонке тысячи.

2007 год прошел относительно спокойно. Малешко работал над текущими проектами, писал статьи, ездил на конференции. Иногда он ловил себя на том, что оглядывается на улице. Иногда замечал машины, которые ехали следом слишком долго. Но постепенно паранойя отпускала. Может, показалось?

Только Градов смотрел иначе.

— Не забыли, — сказал он как-то в январе, когда они сидели в институтской столовой над остывшим чаем. — Такие люди просто так не приходят. Они ждут. Присматриваются. Проверяют.

— Кого проверяют? Меня?

— И тебя тоже. Ты теперь фигура. Не для генералов, нет. Для тех, кто смотрит на шаг вперед.

Малешко тогда не придавал значения. Работа затянула — расчеты, испытания, отчеты. Жизнь вошла в привычную колею.

Но в марте случилось первое странное событие.

Вернувшись вечером домой, Андрей обнаружил, что в кабинете переложены бумаги. Не пропало ничего — он специально проверил. Но листы на столе лежали иначе. Папки в шкафу стояли не по порядку. Кто-то явно заходил.

— Ты здесь убиралась? — спросил он жену.

— Нет, а что?

— Да так, показалось.

Он не стал рассказывать. Сказал жене — Лене — что сам переложил бумаги, что засиделся допоздна. Она посмотрела на него внимательно, но ничего не сказала. Только спросила:

— Ты будешь ужинать?

— Не хочу.

— А надо, — она поставила перед ним тарелку с остывшими уже пельменями. — Хочешь за страну думать — думай. Но на пустой желудок эти мысли, Андрей, знаешь, какие? Черные.

Он усмехнулся, взял вилку. Она села напротив, подперла подбородок рукой.

— Ты бы видел себя со стороны, — сказала тихо. — Идешь по улице — оглядываешься. Как зверь в клетке. А ведь мы здесь, в Снежинске, может, и вправду как в клетке. Только я не знаю, кто снаружи.

— Я тоже не знаю, — ответил он честно.

— Ну и ладно, — она встала, убрала со стола. — Не знаешь — значит, придумаем. Главное, чтобы дома ты не оглядывался. Дома — я.

Но через месяц история с бумагами повторилась. И еще через два.

Тогда Малешко поставил в кабинете простейшую ловушку — нитку, незаметно приклеенную к ящичку стола. Вернувшись, обнаружил нитку порванной.

— Андрей Викторович, — сказал он своему отражению в темном окне, — вас кто-то пасет.

В 2008 году в Снежинск приехала комиссия из Москвы. Обычная проверка, формальная — таких было много. Но среди проверяющих Малешко вдруг узнал одного из тех двоих штатских, что сидели в углу на том самом заседании.

Тот подошел сам. Без улыбки, но без враждебности.

— Здравствуйте, Андрей Викторович. Не ожидали?

— Честно? Решил, вы забыли.

— Мы ничего не забываем. И людей не бросаем. Давайте прогуляемся?

Они вышли на улицу. Снежинск в апреле — город контрастов. С одной стороны — строгие заборы, КПП, запретные зоны. С другой — озеро Синара, чистое, спокойное, с первыми проталинами у берега.

— Красиво у вас, — заметил штатский. — Тишина. Покой. Но вы же понимаете, что за этой тишиной идет охота?

— За мной? — Малешко усмехнулся. — Я простой инженер. Таких сотни.

— Вы — не сотни. Вы — тот, кто считает правильно. А правильные расчеты стоят дорого. Очень дорого. Знаете, сколько на Западе готовы заплатить за ваши спирали?

Малешко пожал плечами.

— Не знаю и знать не хочу.

— И правильно. Но другие хотят. Мы зафиксировали несколько попыток подхода к вашим коллегам. Через интернет, через командировки, через подставных лиц. Пока безуспешно. Но это пока.

— Вы хотите сказать, что меня...

— Мы хотим сказать, что вы в зоне риска. Не паникуйте, это обычная практика. Будете ездить за границу — предупреждайте. Если увидите что-то подозрительное — сообщайте. И пожалуйста, не берите подарки от незнакомых людей. Звучит смешно, но иногда именно так и вербуют.

Штатский протянул визитку. На ней — только номер телефона.

— Запомните этот номер. Если что — звоните в любое время. Даже если просто покажется.

2009 год прошел относительно спокойно. Малешко работал над новыми проектами, ездил на конференции, защитил докторскую. Но ощущение, что за ним наблюдают, не отпускало. Иногда он ловил себя на том, что оглядывается на улице. Иногда замечал машины, которые ехали следом слишком долго.

Он не знал, паранойя это или реальность. Но номер из визитки запомнил.

А в 2010 году случилось то, что заставило его поверить окончательно.

Малешко командировали в Екатеринбург на научный семинар. Обычное дело — пара дней, доклад, обсуждения, обмен опытом. Малешко даже обрадовался — проветриться, вырваться из закрытого города.

Семинар проходил в Уральском федеральном университете. Народу было много — профессора, аспиранты, студенты. Малешко отсидел утренние доклады, выступил со своим, отвечал на вопросы. Все как обычно.

В перерыве к нему подошел молодой человек. Лет двадцати пяти, в очках, с вежливой улыбкой. Представился аспирантом из Москвы, назвался Михаилом. Начал задавать вопросы по теме доклада. Вопросы были грамотные, глубокие, с пониманием предмета.

Малешко внутренне напрягся. Слишком грамотные. Слишком глубокие. Для обычного аспиранта, который только начинает, — слишком.

— А вы где учились? — спросил он, стараясь, чтобы голос звучал спокойно.

— В Бауманке, — ответил молодой человек. — Сейчас пишу диссертацию по смежной тематике. Ваши работы, Андрей Викторович, я давно читаю. Очень сильные.

— Спасибо.

— А вообще, знаете, ваши работы на Западе очень ценят. Я переписываюсь с коллегами из Стэнфорда, они говорят, что ваши подходы к сжатию магнитного поля уникальны. У них ничего подобного нет.

— Переписываетесь? — насторожился Малешко.

— Ну да, наука интернациональна. Кстати, если хотите, могу свести вас с ними. Они были бы счастливы пообщаться.

Малешко вспомнил визитку с номером.

— Спасибо, не надо. Мне своих контактов хватает.

— Зря, — молодой человек не унимался. — Там такие перспективы! Финансирование, публикации в топ-журналах, признание. Вы же талант, Андрей Викторович, а здесь вас никто не ценит. А там — лаборатории, гранты, свобода. Подумайте.

Малешко почувствовал, как внутри закипает злость.

— Послушайте, молодой человек, — сказал он жестко. — Я не знаю, кто вы и на кого работаете. Может, вы просто любопытный студент. А может — нет. Но если вы еще раз заговорите со мной о «там», я позвоню куда следует. Понятно?

Молодой человек побледнел, извинился и исчез в толпе.

Вечером Малешко набрал тот самый номер.

— Слушаю, — ответил знакомый голос.

— Это Малешко. Тут сегодня... один аспирант... предлагал связать меня со Стэнфордом.

— Опишите его.

Малешко описал. На том конце помолчали.

— Андрей Викторович, никакой это не аспирант. Это известный нам человек. Работает на одну западную структуру. Мы давно за ним следим. Вы всё правильно сделали.

— А если бы я согласился?

— Тогда мы сейчас говорили бы по-другому. В другом месте. Спасибо за звонок. И будьте осторожны. Они не отстанут.

Малешко положил трубку и долго смотрел в окно. За стеклом горели огни Екатеринбургa. Где-то там, в этих огнях, ходили люди, для которых наука была не поиском истины, а инструментом охоты. И он, инженер из закрытого города, стал их дичью.

Вернувшись в Снежинск, Малешко заперся в кабинете и открыл свой старый дневник. Записи 2006 года — тогда, после Москвы, он еще верил, что его услышат. Теперь, четыре года спустя, он понимал: услышали не те.

Он написал:

«Сегодня я окончательно понял одну вещь. Они приходят не за правдой. Они приходят за технологией. За тем, что можно продать, украсть, использовать. Генералы думают о войне. Шпионы думают о том, кто будет воевать. А мы, инженеры, думаем о том, как сделать так, чтобы воевать не пришлось. Но кому это нужно?»

Тем временем в Снежинске происходили события, о которых Малешко не знал.

Николай, молодой лаборант из его группы, возвращался домой поздним вечером. У подъезда его ждал незнакомец.

— Николай Петрович? Минуту внимания.

— Кто вы?

— Друг. Садитесь в машину, поговорим.

Николай колебался. Машина была дорогая, иномарка, не из тех, что ездят по Снежинску, но сел. В машине было темно, лица водителя не разглядеть.

— Мы знаем, что вы работаете с Малешко. Знаем, что проект засекречен. Но знаем и то, что платят вам копейки. А могли бы платить миллионы.

— Вы предлагаете...

— Мы ничего не предлагаем. Мы просто сообщаем: если у вас будут интересные материалы — мы готовы их купить. Хорошо купить. Подумайте.

Николай вышел из машины на ватных ногах. Дома он не спал всю ночь. Перед глазами стояли цифры — зарплата, долги, кредит на квартиру, больная мать. И предложение, от которого у любого закружится голова. А утром он пошел к Малешко и всё рассказал.

— Молодец, — сказал Малешко. — Я позвоню куда надо.

Малешко, узнав об этом, долго сидел в кабинете, глядя на озеро. Потом записал в дневнике:

«Они охотятся не только на меня. На всех, кто рядом. Значит, дело серьезное. Значит, я действительно что-то значу. А значит, надо работать еще лучше. И быть еще осторожнее»

Он закрыл тетрадь и посмотрел на фотографию на стене — озеро Синара, тихое, спокойное, вечное.

— Ладно, — сказал он вслух. — Будем работать дальше. Если уж меня пасут, значит, я что-то значу.

Вечером Николая вызвали в ФСБ. Беседа была долгая, но без последствий. Ему выдали новый телефон и велели докладывать о любых подозрительных контактах.

— Вы теперь наш человек, — сказали ему на прощание. — Не бойтесь. Мы рядом.

Николай вышел из здания ФСБ поздно вечером. Ноги не держали. Он сел на скамейку у подъезда, захотелось курить — хотя не курил уже пять лет.

«Вы теперь наш человек», — сказали ему.

Он сжал в кармане новый телефон. Тяжелый, неудобный, чужой.

Дома мать уже спала. Он прошел на кухню, сел, уставился в стену. Мысли крутились, как в замедленной съемке.

Он не предатель. Он пришел и всё рассказал. Но почему-то чувствовал себя предателем. Перед Малешко — за то, что вообще сел в ту машину. Перед собой — за то, что колебался.

«Если у вас будут интересные материалы — мы готовы их купить».

Он не передал ничего. Но он колебался. Этой ночью, когда сидел на кухне и смотрел на телефон, который мог бы решить все проблемы, — он колебался.

И теперь они знают, что он колебался. И свои знают, что он колебался. И Малешко, наверное, догадывается.

Перед сном он посмотрел на старый телефон — тот, который был до ФСБ. Простой, дешевый, свой. Положил в ящик стола. Достал новый. Положил на тумбочку у кровати.

Всю ночь он смотрел на него и не мог заснуть.

А мать спала в соседней комнате. Спокойно. Не зная ничего.

Через неделю позвонил Градов.

— Андрей, зайди. Разговор есть.

В кабинете профессора, кроме него самого сидел тот самый штатский, что гулял с Малешко у озера.

— Садись, — кивнул Градов. — Товарищ из Москвы привез интересные новости. Про твою разработку.

Штатский развернул на столе карту и какие-то схемы.

— Андрей Викторович, мы провели анализ. Ваши расчеты по воздействию на ЛЭП — они абсолютно верны. Мы моделировали ситуацию. Если взорвать компактный генератор рядом с магистральной линией в нужном месте, токи в проводах действительно достигнут десятков тысяч ампер. Трансформаторы на подстанциях выйдут из строя за секунды.

Он помолчал.

— И это не просто теория. Мы знаем, что в США и Китае ведутся аналогичные работы. Программа СНАМР у американцев уже близка к испытаниям. Если они успеют первыми...

Малешко перевел взгляд на Градова. Профессор молчал.

— Я хочу услышать, что вы скажете, — продолжил штатский. — Готовы ли вы возглавить проект? Не просто расчеты на бумаге, а реальное изделие. С финансированием, с людьми, с грифом «совершенно секретно». Работать будете здесь, в Снежинске, но под нашим контролем.

— А генералы? — спросил Малешко. — Они же сказали: «Есть атомная бомба».

— Генералы готовятся к войне, которую знают. Мы к войне, которая будет. И в этой войне побеждает тот, кто умеет гасить свет, не зажигая ядерного огня.

Штатский положил на стол тонкую папку с гербовой печатью.

— Здесь всё. Бюджет, штатное расписание, сроки. Проект засекречен полностью. Даже название — просто «Объект 2510». Никаких упоминаний ЭМИ в открытых документах. Вы согласны?

Малешко посмотрел на папку. Потом на фотографию озера за окном. Потом на Градова.

— А вы? — спросил он профессора.

— Я слишком стар для таких игр, — усмехнулся Градов. — Но тебя благословляю. Ты это заслужил. Иди и делай. А я буду пить чай и радоваться, что у меня был такой ученик.

— Только запомни, Андрей, — Градов вдруг стал серьезным, лицо его потемнело. — Я благословляю тебя не потому, что разлюбил тишину. А потому, что в шестьдесят втором, на Кубе, я понял: лучше пусть оружие, которое не убивает, будет у тех, кто боится его применить. Чем у тех, кто не боится ничего.

Малешко протянул руку к папке.

— Я согласен.

Штатский кивнул, и впервые за все время на его лице появилось подобие улыбки.

— Поздравляю, Андрей Викторович. Теперь вы не просто инженер. Вы — человек, от которого зависит, проснется ли завтра страна противника со светом или без.

Он встал, пожал руку и вышел.

Градов посмотрел на Малешко долгим взглядом. Взгляд этот был тяжелым — смесь гордости, тревоги и какой-то старческой мудрости.

— Знаешь, в чем главная трагедия изобретателя? — спросил он. — Трагедия изобретателя, Андрей, — он усмехнулся, — в том, что он всегда наивный дурак. Думает: «Я сейчас сделаю, и мир станет лучше». А мир берет его игрушку и ставит на танк. Всегда так было. И будет. Потому что мир так устроен. Ты создаешь машину, которая облегчит труд, а ее ставят на танк. Ты придумываешь способ передавать энергию без проводов, а из него делают пушку. Твое оружие... оно не убивает людей. Но оно делает их беспомощными.

— Я помню, — тихо ответил Малешко. — Не убивать, а обезоруживать. Я этого не забыл.

— Ну-ну, — профессор похлопал его по плечу. — Иди работай. И помни: настоящая война начинается не когда стреляют пушки. А когда гасят свет. И тебе теперь решать, как долго этот свет будет гореть.

Глава 3: 2011–2014. Проект «Алабуга» и мировой контекст

Подписывая документы о неразглашении, Малешко еще не представлял, во что ввязывается. Папка, которую оставил штатский, оказалась лишь вершиной айсберга. За ней тянулись километры коридоров, десятки кабинетов, сотни людей, о существовании которых он даже не подозревал.

Проект, получивший неофициальное название «Алабуга», курировался концерном «Радиоэлектронные технологии» (КРЭТ) — структурой, о которой Малешко раньше только слышал. Теперь он оказался внутри.

Название было прикрытием. В открытых источниках «Алабугу» связывали с лазерным оружием — громким, понятным, пугающим. На самом деле за этим ширмой шла совсем другая разработка. Тихая. И оттого ещё более страшная.

Первое совещание проходило в Москве, в здании, где не было вывесок. Только номер на двери и табличка «Посторонним вход воспрещен». Малешко пропустили через три кордона охраны, проверили документы, телефон оставил в ячейке. В комнате собрались человек двадцать — инженеры, физики, военные, несколько человек в штатском, чьих должностей Малешко так и не узнал.

— Товарищи, — начал ведущий, представившийся просто - руководитель проекта Иван Иванович. — Мы собрались здесь, чтобы обсудить программу, которая определит облик армии через десять лет. Речь идет об электромагнитном оружии. Не ядерном. Не термоядерном. Компактном, точном, эффективном.

На экране появилась схема, которую Малешко узнал сразу — его собственные расчеты 2006 года. Кто-то перерисовал их, добавил новые обозначения, но суть осталась той же.

— Это работа нашего коллеги из Снежинска, — продолжил Иван Иванович, кивнув в сторону Малешко. — Четыре года назад он пытался убедить военных в перспективности этого направления. Его не услышали. Сейчас — услышали. Потому что мир изменился.

Следующий слайд показал карту мира с множеством красных точек.

— За последние два года мы зафиксировали более пятидесяти публикаций по теме ЭМИ в открытой печати. Китай, США, Германия, Франция, Израиль. Все ведут разработки. У американцев — программа СНАМР. В 2012 году они обещают показать действующий прототип. Китайцы не отстают. Если мы проспим этот поезд, через десять лет наши армии станут мишенями.

Малешко сидел и слушал. То, о чем он мечтал годами, вдруг становилось реальностью. Но радости почему-то не было. Слишком много людей в штатском, слишком много запертых дверей, слишком много секретов.

Работа закипела. Малешко мотался между Снежинском, Москвой и закрытым полигоном, расположенным где-то в степи за Самарой. Место называлось просто «объект 221» — ни города, ни поселка, только несколько казарм, лабораторный корпус и бетонные ангары в голой степи. Градов остался в институте, но регулярно звонил, интересовался делами.

— Как оно там, на передовой? — спрашивал профессор.

— Работаем, — коротко отвечал Малешко.

Он не мог рассказать подробности — подписка о неразглашении была железной. Даже жене пришлось объяснить, что командировки теперь будут частыми и долгими, а вопросов задавать не надо. Она только вздохнула — за эти годы привыкла.

В 2012 году пришла новость, которую ждали: американцы объявили об успешных испытаниях СНАМР. Беспилотная ракета с ЭМИ-генератором пролетела над зданием, имитирующим командный пункт, и вывела из строя всю электронику внутри. Без взрыва, без огня, без разрушений. Просто пролетела — и все умерло.

На совещании в КРЭТ Иван Иванович был мрачен.

— Они нас опережают. У нас есть теория, есть расчеты, есть лабораторные образцы. У них — летающая ракета. Разрыв — года три-четыре. Будем наверстывать.

Малешко вспомнил свой разговор с генералом в 2006-м. «Через десять лет ваши танки станут мишенями». Срок сокращался.

В 2013 году случился прорыв.

В ту ночь Малешко не мог уснуть. Третий час лежал с открытыми глазами, глядя в потолок, где плясали тени от проезжающих машин. Жена давно дышала ровно, а в голове крутилось одно и то же: генератору нужно внешнее питание. Конденсаторы, батареи, источники тока. Все это громоздкое, тяжелое, заметное.

А если без них?

Мысль пришла внезапно — и он сел на кровати, как ужаленный. Сердце колотилось, перед глазами стояла схема — магнит внутри катушки, ударная волна разрушает домены, ток...

— Андрей? — Лена приподнялась на локте, щурясь в темноте. — Что случилось?

— Ничего. Спи.

— Опять придумал что-то? — в голосе не было удивления. Только усталая покорность.

— Придумал.

Она вздохнула, села, накинула халат.

— Чай поставить?

— Я в кабинет...

— В кабинет, — кивнула она. — Знаю. Я принесу. Только не сиди до утра, ладно? У тебя сердце не железное, как твои спирали.

На столе валялся неодимовый магнит — маленький, серебристый кубик, который он использовал как пресс-папье. Малешко взял его в руку, повертел. Потом рядом положил катушку медного провода — самодельную, намотанную еще в студенчестве.

Ударная волна деформирует магнит. Резкое изменение поля создает ток.

Он лихорадочно набросал схему. Магнит внутри катушки. Взрывчатка вокруг. Детонация — ударная волна проходит через магнит — поле схлопывается — катушка дает импульс.

Никаких батарей. Никаких конденсаторов. Просто взрыв, магнит и провод.

Через десять минут в кабинет вошла Лена с двумя кружками. Поставила на край стола, где не было бумаг, и села в кресло напротив — то самое, где обычно сидел Градов, когда приходил в гости.

— Рассказывай, — сказала просто.

Он поднял на нее глаза, удивленный. Никогда раньше она не просила рассказать. Терпела, ждала, но не просила.

— Это секрет, — ответил он. — Ты же знаешь.

— Знаю, — она отхлебнула чай. — Я не про формулы. Я про то, зачем. Ты, когда придумываешь что-то, у тебя лицо... светлое, что ли. А последнее время — темное. Я хочу знать, зачем ты это делаешь. Не для отчета. Для меня.

Малешко помолчал. Потом сказал тихо:

— Чтобы не убивать. Чтобы можно было остановить войну, не убивая.

Лена долго смотрела на него. Потом поставила кружку, подошла, обняла со спины, уткнулась лицом в плечо.

— Дурачок ты мой, — сказала она. — Нельзя остановить войну, не убивая. Но если кто и сможет — то ты. Только обещай мне одно.

— Что?

— Не стань железным сам. Твои спирали — это одно. А ты — человек. Помни об этом.

Он кивнул, не оборачиваясь. А она постояла еще немного и вышла, тихо прикрыв дверь.

Малешко считал до пяти утра. Когда за окном начало светать, он откинулся на спинку кресла и понял, что улыбается. Цифры сходились. Ток получался небольшой — килоамперы, не сотни килоампер. Но этого хватало, чтобы запустить основной генератор.

— Запал, — сказал он вслух. — Я придумал запал.

Он посмотрел на магнит, все еще лежащий на столе. Обычный магнит, каких миллионы. И вдруг почувствовал странное, почти мистическое благоговение. Эта маленькая штука, если все получится, сможет запустить цепь, которая выключит свет в целой стране.

Телефон зазвонил неожиданно — ранний звонок, такие бывают только по очень важным делам. Малешко вздрогнул, снял трубку.

— С добрым утром, Андрей Викторович, — сказал знакомый голос. — Не спится?

Малешко посмотрел на исписанные листы, на магнит, на озеро за окном, где только начал разгораться рассвет.

— Работаю, — ответил он. — Кажется, кое-что получилось.

Принцип был красивым: неодимовый магнит, окруженный катушкой. При взрыве ударная волна деформирует магнит — резкое изменение поля создает импульс тока. Никаких внешних источников питания, никаких сложных схем. Просто взрывчатка, магнит и катушка.

— То, что надо, — сказал Иван Иванович, глядя на прототип размером с небольшой чемодан. — Вес?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.